

УДК 94(37+439+477)"1918/1939"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/57/12

«СВОБОДНОЕ СЛОВО. ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ КАРПАТО-РУССКИЙ ЖУРНАЛ» КАК ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА*

С.Г. Суляк

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 1

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Авторское резюме

«Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал», выпускавшийся карпаторусскими эмигрантами в США, является важным источником по истории Галицкой, Угорской и Буковинской Руси. С момента выпуска первого номера в 1959 г. до начала 1989 г. его главным редактором был М.И. Туряница, уроженец Подкарпатской Руси. В журнале публиковались материалы известных русских деятелей Карпатской Руси: М. Туряницы, братьев А. и Г. Геровских, И. Тёроха, Д. Вергуна, И. Шлепецкого и др. Эти люди сохранили свою принадлежность к единому русскому народу, поэтому называть их русофилами, москвофилами, на наш взгляд, некорректно. В годы Первой мировой войны австро-венгерские власти устроили геноцид и создали первые в Европе концлагеря именно для русского населения Галиции и Буковины. Отказывать этим людям в праве называться русскими выглядит примерно так же, как называть немцев германофилами, англичан – англофилами, испанцев – испанофилами и т.д. До революции в России официальной была теория триединого русского народа, которую разделяло большинство великороссов, малороссов, белорусов и русинов (русинов официально причисляли к малороссам). Только в 1917 г. в Австро-Венгрии новый император Карл I официально изменил названия *рутены*, *рутенский язык* на *украинцы* и *украинский язык* (Ukrainer, Ukrainisch). В России малороссов официально стали называть украинцами после Февральской революции 1917 г. Однако еще продолжительное время местное население называло себя *русскими*, *малороссами*, *русинами*, причем даже на территории Украинской ССР. К примеру, в специальном дополнении к инструкции по проведению переписи населения СССР в 1926 г., выпу-

* Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

щенном для Украины, говорилось, что для «правильной» записи национальности лиц, которые будут называть себя русскими, необходимо спрашивать, «до каких “русских” они себя причисляют (росіян, українців або білорусів)». Мнения о единстве русского народа после революции продолжали придерживаться и многие известные ученые. К примеру, известный чешский археолог, этнограф, славист Л. Нидерле писал: «Белая Русь, Украина и Великая Русь, даже если каждая из них приобретает политическую самостоятельность, останутся ветвями одного народа». Введение в научный оборот воспоминаний деятелей русского движения Карпатской Руси поможет нам глубже понять процессы, происходившие в регионе в переломные годы, в т.ч. и в межвоенный период. В то время земли русинов были присоединены к различным государствам. Большая часть территории Угорской Руси (Подкарпатская Русь и Восточная Словакия) вошла в состав Чехословакии. Из всех регионов, населенных русинами, только Подкарпатская Русь получила государственность, пусть и эфемерную, став автономией в составе Чехословацкой Республики.

Ключевые слова: Карпатская Русь, Угорская Русь, Подкарпатская Русь, Свободное слово Карпатской Руси, Чехословакия, Венгрия, русины, русские, русское движение.

JOURNAL “FREE WORD: CARPATHO-RUSSIAN MONTHLY” AS AN IMPORTANT SOURCE ON THE HISTORY OF SUBCARPATHIAN RUS IN THE INTER-WAR PERIOD*

S.G. Sulyak

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: sergei_suleak@rambler.ru

Abstract

The journal “Free Word: Carpatho-Russian Monthly” published by Carpathian emigrants in the United States is an important source on the history of Galician, Ugric and Bukovinian Rus. From the first issue 1959 to the early 1989, its Editor-in-Chief was M.I. Turianitsa, a native of Subcarpathian Rus. The journal published materials of famous Russian figures of Carpathian Rus: M. Turyanitsa, brothers A. and G. Gerovsky, I. Tyorokh, D. Vergun, I. Shlepetsky, and others. These people hold true to the idea of the pan-Russian nation, so it is incorrect to identify them as Russophiles or Muscophiles.

* The study is supported by the Tomsk State University Competitiveness Enhancement Program.

During WWI, the Austro-Hungarian authorities committed genocide and opened first concentration camps in Europe for the Russian population of Galicia and Bukovina. Denying them their right to identify themselves as Russians is equal to calling Germans Germanophiles, English – Anglophiles, Spaniards – Hispanophiles, etc. The theory of triune Russian nation was official in Russia before the Revolution. The idea was shared by most of the Great Russians, Little Russians, Belarusians and Rusins (who were officially identified as Little Russians). Only in 1917 in Austria-Hungary did the new emperor Charles I officially change the names “Ruthenian”, the “Ruthenian language” to Ukrainians and the Ukrainian language (Ukrainer, Ukrainisch). In Russia, the Little Russians were officially called Ukrainians after the February Revolution of 1917. However, for a long time, the local population called themselves Russians, Little Russians, Rusins, even on the territory of the Ukrainian SSR. For example, the special supplement to the instructions for conducting a census in the USSR in 1926, issued for Ukraine, prescribed that to “correctly” record the nationality of people who would call themselves Russians, it was necessary to ask “to which” Russians “they thought they belonged (Russian, Ukrainian, or Belarus)”. Many famous scholars held to the idea of the unity of the Russian people after the Revolution. For instance, a well-known Czech archeologist, ethnographer, Slavist L. Niederle wrote, “White Russia, Ukraine and Great Russia will remain branches of one people, even if each of them gains political independence.” The memoirs of the figures of the Russian movement of the Carpathian Rus can promote a better understanding of the processes that took place in the region during the turning years, including those of the interwar period, when the Rusinian lands were annexed to various states. Most of Ugric Rus (Subcarpathian Rus and Eastern Slovakia) became part of Czechoslovakia. Of all the Rusinian regions, only Subcarpathian Rus gained statehood, albeit ephemeral, through becoming autonomy within the Czechoslovak Republic.

Keywords: Carpathian Rus, Ugric Rus, Subcarpathian Rus, Free Word: Carpatho-Russian Monthly, Czechoslovakia, Hungary, Rusins, Russians, Russian movement.

После окончания Первой мировой войны земли Карпатской Руси¹, находившиеся ранее в составе Австро-Венгрии и России, оказались разделенными между рядом государств, в т. ч. и вновь образованных. Буковина, Марамарош (Марамуреш) и Бессарабия стали частью Румынского королевства. Основная территория Угорской Руси (за исключением части Марамароша, Бачки и Срема) оказалась в составе Чехословацкой Республики, причем Подкарпатская Русь (сегодня это в основном Закарпатская область Украины) получила статус автономии. Ранее входившие в состав Венгерского королевства районы Бачки и Срема вошли в состав Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия). Землями Польши стали как бывшее австро-венгерское Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским и княжествами Освенцима и Затора

(Западная и Восточная Галиция), так и бывшие российские Холмщина с Подляшьем (Суляк 2019: 272–316).

В контексте изучения истории русинов межвоенный период важен тем, что именно тогда началась их активная этническая трансформация, усилились языковые и этнокультурные ассимиляционные процессы со стороны доминирующих этносов. В то же время в регионах компактного проживания русинов продолжали действовать многочисленные русские и украинские партии и организации, выходила печатная продукция. К сожалению, роль русского движения Карпатской Руси в межвоенный период и его влияние на местное население недостаточно освещены в современных работах, посвященных данному периоду. Выпал из историографии такой ценный источник, как воспоминания деятелей русского движения Буковины, Галичины, Угорской Руси. Как и прежде, некоторые проблемные вопросы истории Карпатской Руси продолжают табуироваться, что не способствует полному и объективному освещению событий.

В свое время И.Я. Франко в ответ на критику украинофильской галицкой газетой «Правда» деятелей русского движения Галичины, которых она обозвала «мусором», «рenegатами», «запроданцами», написал: «Кое-кто из наших "рenegатов", из этого нашего "мусора" (например, Наумович, Дидыцкий и другие) сделали для развития галицко-русского (в оригинале – *руського*. – С.С.) общества и простого народа в десять раз больше, чем сотни и тысячи самых лучших неренегатских ортодоксов, вместе взятых...». И далее: «Когда я слышу, что к таким людям прилагают слово "запроданцы", мне всякий раз вспоминаются былые ведьмы и колдуны, которых всяческие ортодоксы сжигали на кострах за то, что они "продались черту", хотя эти несчастные "запроданцы" жили обычно в самой великой нищете и никакой выгоды от этого запроданства не имели» (Франко 1980: 360–361).

Целью данной работы является введение в научный оборот воспоминаний видных деятелей русского движения Подкарпатской Руси М.И. Туряицы² и А.Ю. Геровского³ о политическом положении автономии в межвоенный период, опубликованных в журнале «Свободное слово», а также отрывков из книги одного из беженцев в СССР. Автономная Подкарпатская Русь в составе Чехословакии была в то время единственным государственным образованием русинов. Попытки создания русинами после Первой мировой войны других государственных образований (ЗУНР, лемковские (Команчская и Русская Народная Республика Лемков) и Гуцульская республики, Галицкая ССР) оказались неудачными, учитывая соотношение материальных и людских ресурсов русинов и противостоявших им стран (Суляк 2015: 109–116).

11 мая 1958 г. в Нью-Йорке группа старых и новых карпаторусских эмигрантов приняла решение издавать свой журнал. На собрании была собрана небольшая сумма для издания (230 долларов, всего же было обещано внести 750 долларов) (Как возник наш журнал 1959: 5). В следующем году стало выходить «Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал» (с 1961 г. – «Свободное слово Карпатской Руси», с 1981 г. – «Свободное слово», с 1982 г. – «Свободное слово Руси») под редакцией Михаила Туряницы (редактировал издание до начала 1989 г.) по цене 50 центов за номер. Такое название решила дать инициативная группа вместо ранее объявленного – «Вечерний звон» (К подписчикам 1959: 5). Целью журнала, кроме провозглашенной борьбы с коммунизмом (что, в принципе, объяснялось как международной, так и внутренней обстановкой в США: в разгаре была холодная война, в стране только что закончился период маккартизма) и за идеалы христианства, было желание «отстаивать право называться своим древним русским именем»: «Наше национальное единство более древнего происхождения, чем основание Киевской Руси. Если бы это было не так, то не могла бы organizоваться и существовать великая Киевская держава, в которую, согласно некоторым историкам, входила и Карпатская Русь (Галичина и Закарпатье). Мы видим, что, несмотря на большевицкую попытку убить единство русского народа, им это не удалось». Журнал был провозглашен как независимое политическое издание, которое будет выходить не на народном говоре, а на общенародном (литературном языке): «У всякого народа есть много диалектов, но литературный язык только один. Наши карпаторусские писатели всегда, за малым исключением, писали на русском языке». «Движущей силой в нашей трудной работе, ибо издание русского журнала в эмиграции – это трудная работа, есть любовь к родному слову, родной земле, народу» (От редакции 1959: 1–5).

В № 3–4 за 1959 г. была еще раз кратко изложена платформа журнала: «Мы против коммунистической диктатуры и против всяких тоталитарных режимов – за свободную систему правления – демократию. Но главная наша цель – это освобождение карпаторусского народа, который не по своей вине стонет под гнетом безбожного и жестокого коммунизма» (Г.С. 3: 31–32).

В первом номере журнала опубликована история появления карпаторусской эмиграции в США. На постоянное место жительства в Америку русины стали массово перебираться после Первой мировой войны. Ранее они приезжали сюда «за куском хлеба», и многие возвращались домой через два-три года. Большинству эмигрантов удалось неплохо устроиться в стране. В США возникло немало русин-

ских организаций: Униатское соединение, Православное общество взаимопомощи, Собрание, Общество русских братств, Народное братство и др. Были построены сотни храмов, открыты семинарии, множество приходских школ и т. д. (Г.С. 1: 6). В продолжение данной темы уже через номер отмечалось, что «быстрый темп американизации все больше и больше людей отвлекает от культурной и духовной жизни русского народа, все меньше и меньше людей интересуются нашими карпаторусскими делами и политикой. Больше всего карпатских русских уходят в американскую жизнь через смешанные браки. Особенно чувствительно это отражается на наших организациях и братствах» (Г.С. 4: 3).

Отмечалось, что существует несколько газет и журналов, печатавшихся для «наших людей карпаторусского происхождения в США». Среди них «Вестник соединения», «Просвета», «Русский вестник», «Церковный вестник», «Католический свет», «Вестник», «Братство», «Восток», «А.С.У.», «Guardian», «Небесная царица» и некоторые местные издания. Но они служат «своим церквам и собственным организациям. Исключение представляет журнал "Русин", который издается в весьма ограниченном количестве». Поэтому и возникла необходимость в издании, «которое бы на первое место поставило наше национальное дело» (Г.С. 2: 26–27).

С первого номера журнала начинается публикация статьи М. Туряницы «Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси». Автор обещал: «Я попытаюсь изобразить "Карпатскую Украину", ее организаторов и вдохновителей с нашей русской, народной, нормально-человеческой точки зрения, с точки зрения здравого смысла; причем, во избежание упрека в односторонности и пристрастности, буду пользоваться источниками самостийников исключительно» (Туряница 1: 21). В начале статьи было отмечено, что «идеологом украинского национализма современного типа» является «великоросс Дмитрий Донцов». «Современный украинский писатель самостийнического образа мыслей» Ю. Шерех в своей книге «Думки проти течії» (1947) считал «большевизм и гитлеризм родными братьями учения Донцова» (С. 27) (Туряница 1: 21). В межвоенный период чехословацкое правительство оказывало «невероятно большую всестороннюю материальную и моральную поддержку галицким самостийникам». Автор статьи приводит свидетельство «видного галицко-самостийнического националиста-идеолога» В. Мартинца из его книги «Українське підпілля: від УВО до ОУН» (1949. С. 144–145): «Украинская эмиграция радовалась всесторонней моральной и материальной поддержке чешского правительства, неблагосклонно настроенного к Польше (из-за Тешина), и поэтому имелось здесь то, о чем украинское население на родных

землях, несмотря на всякие международные гарантии, и мечтать не могло: украинский университет, высший педагогический институт, хозяйственная академия, гимназия, издательства, журналы, общества, организации и еще масса студенчества также имела неограниченный доступ во все высшие чешские школы, пользоваться индивидуальными стипендиями, вполне хватавших на содержание и оплату обучения; и, наконец, чешское правительство давало индивидуальные дотации одиночным выдающимся эмигрантам, не говоря о финансировании всех украинских школ и учреждений» (Туряница 1: 24).

Подводя итог вышесказанному, автор статьи замечает, что «самостийники имели в Чехословакии три учебных заведения, в то же время мы, русские, край которых составляет автономную часть государства (имеется в виду Подкарпатская Русь в составе Чехословакии. – С.С.), не имели ни одного». Также не было ни одного карпаторусского ученого, получавшего дотации от чехословацкого государства. «Наши ученые не только дотаций не получали, им даже мешали работать, их преследовали». Приводится пример профессора Г. Геровского, «единственного ученого карпаторусского языковеда»: когда летом 1936 г. его пригласили читать лекции по церковнославянскому языку на учительских курсах в Сваляве, полиция запретила ему покидать Мукачево. Геровский был лишен «даже подданства на своей земле». «Наши студенты, которых вряд ли было больше 200–300, целых двадцать лет боролись за стипендии и общежитие. В то время много тысяч галицких самостийников получало стипендии, из которых они могли ежемесячно уделять крупную сумму на поддержку подпольной революционной работы в Галичине». По сообщению еженедельника «Тризуб» (1931. № 4), издававшегося в Праге, в Пражском университете на протяжении 10 лет «было записано 7 700 студентов и студенток». Это данные по одному вузу до 1931 г. Также «галицкие самостийники организовали и обучали революционные кадры, имели склады оружия» (Туряница 1: 24–25).

Важную роль в украинизации края сыграло чехословацкое правительство. Оно «старалось, чтобы все культурно-просветительское и школьное дело на Закарпатской Руси было в руках самостийников. Русский литературный язык был изгнан из всех школ. Конечно, были многие школы, даже большинство школ, которые не подчинились приказу Министерства школ и народного просвещения и целых двадцать лет учили на традиционном русском литературном языке, за что Прага все время существования Чехословакии преследовала их.... Самостийники у нас выступали под именем "русских", не украинцев... убеждали, что мы только "руськи", а не русские, и что "русский", "русский" и "русский" не одно и то же самое. "Украинцами" они себя и

нас стали называть в конце 30-х годов, перед развалом Чехословакии» (Туряница 2: 28).

Чешское правительство не допустило в школы Подкарпатской Руси ни одного учебника или учебного пособия, написанного на русском литературном языке. «Но народ не сдавался. Росло постепенно число образованных русских людей, которые шаг за шагом отбивали у самоустийников наши школы. Если в двадцатые годы из четырех наших гимназий три воспитывали детей в антирусском духе, в презрении и ненависти к нашей идеологии, традиции, вере, литературному языку, то уже в 1937 году все гимназии были в русских руках. Только в Береговской кое-как пытались отбиваться галицкие авантюристы».

Учебников на русском языке не хватало, преподаватели использовали либо чешские книги, либо учебники русской эмигрантской гимназии в Праге. Большинство учителей было вынуждено обходиться без учебников, диктуя уроки ученикам. В 1937 г. удалось добиться утверждения Министерством школ и народного просвещения в качестве учебника «Грамматики русского языка» Е. Сабова, после чего были написаны и утверждены учебники для начальных школ.

Перед этим министерство провело опрос: «Каждый селянин получил два билета. На одном было написано "малоруський язык (украинский язык)", на другом – "великорусский язык (русский язык)". Несмотря на жульничество со словами "малоруський" и "великорусский", ибо малорусский народный язык – это не украинский язык, а русский язык (литературный) – не великорусский, наши самостийники потерпели полное поражение, ибо 86 процентов селян (в других материалах – 76 % – С.С.), подчиняясь тысячелетнему чувству единства всего русского народа, голосовали за "великорусский язык"» (Туряница 3: 13–15).

В политической жизни края доминировали партии, поддерживавшие «русское течение». В законодательном собрании карпаторусский народ был представлен шестью депутатами и двумя сенаторами. Только один депутат от филиала чешской Социал-демократической партии принадлежал к украинскому движению. «Все остальные – русские» (Туряница 3: 14).

В 1938 г. обострился вопрос об автономии Подкарпатской Руси. Согласно Сен-Жерменскому мирному договору, региону должны были предоставить самую широкую автономию со своим законодательным органом и автономным правительством. Однако все 20 лет чехословацкое правительство эти права так и не предоставляло. Самой многочисленной русской партией в то время был Автономный земледельческий союз (АЗС), который после смерти И. Куртыка возглавил А. Бродий. Аграрная партия, будучи филиалом чешской Аграрной партии, была многочисленнее АЗС, поддерживала русское

движение, но не проявляла активности в пользу автономных прав. Самой молодой и в то же время активной была Русская национально-автономная партия (РНАП) во главе с С. Фенциком. Были и другие малочисленные партии. Партию народных социалистов на Закарпатской Руси возглавлял учитель городской школы М. Василенко, «большой русский патриот». Он умер от туберкулеза осенью 1944 г. Именно Василенко, когда министром школ и народного просвещения стал народный социалист Крейчи, добился утверждения учебников на русском языке (Туряница 4: 4–6).

Говоря про Коммунистическую партию Закарпатья, автор упоминает, что она «вела строго интернациональную линию и борьбе за автономные права нашего народа не сочувствовала и даже мешала» (Туряница 4: 6).

Значительную роль в борьбе за права автономии сыграла делегация карпатороссов, живших в США, прибывшая летом 1938 г. на Закарпатскую Русь. Главную роль в ней играл А. Геровский. При посредничестве делегации удалось объединить две самых крупных русских партии – Автономный земледельческий союз и Аграрную партию – в Русский блок. Обе партии имели по два депутата и по одному сенатору, т. е. шесть представителей в парламенте из восьми. В Русский блок не вошли представители РНАП С. Фенцик и украинец Ю. Ревай. В сентябре члены Русского блока подписали декларацию (заявление), под которой поставили свои подписи и Фенцик с Реваем, где, в частности, говорилось, что «наш народ никогда не отказывался от своего права на самоопределение», и выдвигалось требование это право предоставить (Туряница 4: 6, 8).

В начале октября 1938 г. было создано первое автономное правительство, в которое вошли А. Бродий (председатель Совета министров и министр народного просвещения), Е. Бачинский, И. Пьештяк, С. Фенцик и Ю. Ревай. «Ради успокоения украинского меньшинства был принят в правительство и А. Волошин. Таким образом, первое русское правительство Карпатской Руси состояло из шести членов: четырех русских и двух украинцев».

Временно исполнявший обязанности президента премьер-министр и министр обороны Чехословакии Я. Сыровый отстранил и арестовал А. Бродия (он руководил правительством с 11 по 26 октября) «по желанию немецкого правительства» и назначил на его место Волошина (Туряница 4: 7).

После создания автономного правительства народ надеялся, что будут исправлены ошибки, допущенные в экономических, культурно-национальных и религиозных вопросах. Ожидалось, что крестьянам передадут земли бывших венгерских и немецких графов и баронов.

Земельная реформа, проведенная чешской властью, привела к тому, что большинство этих земель были переданы чешским колонистам или чешским банкам. В религиозном плане надеялись, что местное правительство перестанет поддерживать униатскую церковь. Количество прихожан в ней значительно уменьшилось, несмотря на то, что, «вопреки переходу всего села до последнего человека в православную веру, здание церкви, приходской дом, церковные земли, так же, как и все имущество, оставалось за унией» (Туряница 5: 19–20).

Однако «второе автономное правительство было поручено составить уже не русскому человеку, но ставленнику Берлина и галицких сепаратистов А. Волошину». Оно «начало лихорадочную деятельность... в первую очередь, приказало украинизировать вывески в магазинах, они все были еврейскими». Автор проводит аналогию с событиями двадцатилетней давности на Украине во времена правления С. Петлюры, описанными его соратником В. Винниченко в воспоминаниях «Возрождение нации». Распоряжениями «влади» распускались русские политические партии, закрывались культурно-просветительские, студенческие, молодежные и другие русские организации. Вместо христианского приветствия «Слава Иисусу Христу» заставляли говорить: «Слава Украине» (Туряница 5: 20–21).

Статья «Школы Карпатской Руси под чешским ярмом» А. Геровского дополняет сведения о школьном образовании в Подкарпатской Руси в чехословацкий период. Положение школ было «крайне печально»: «Под чехами школа была средством денационализации, средством для того, чтобы оторвать нашу молодежь от своего русского народа, расколоть ее на несколько враждебных друг другу частей. наших детей в школах чехизировали, словакизировали и украинизировали». Автор отмечал, что «до 1937 года в школах преподавали на всевозможных языках и "язычиях", только не на русском литературном. Учили по-чешски, по-словацки, по-"украински" и на всевозможных жаргонах, на которых в Карпатской Руси никто не говорил. Последствием этого было то, что почти никто из получивших образование при чехах не умел правильно ни говорить, ни писать по-русски».

Высших учебных заведений в Подкарпатской Руси в то время не было, хотя их было бы не трудно организовать при наличии в Чехословакии большого количества профессуры, эмигрировавшей из России после революции. Местной молодежи приходилось обучаться в чешских и словацких университетах, а также в Болгарии, Франции, Англии, Америке. А ведь по положению Сен-Жерменского договора чехословацкое правительство должно было предоставить автономии и все вопросы, касающиеся языка и школы, должны были находиться

в компетенции автономного сойма и карпаторусского правительства (Геровский 1: 2).

Школьный отдел (школьный реферат) при карпаторусском губернаторе возглавляли чехи. Первым начальником был И. Пешек. Согласно чехословацким законам, он не имел соответствующей квалификации для занятия данной должности, т. к. окончил только учительскую семинарию и не имел университетского диплома. Однако он был лично знаком с президентом Масариком, и «для него закон не был писан». Его помощником был назначен «самостийный галичанин пан Панькевич, тоже присланный из Праги». Впоследствии «школьный реферат» возглавляли другие чехи. «При всех этих чехах бессменным помощником был пан Панькевич, "украинец", но не с Украины, а галичанин» (Геровский 1: 3).

Борьба против русского литературного языка в школах началась при Пешеке. Вскоре после присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии пражское правительство составило «Генеральный статут для организации и администрации Карпатской Руси» (№ 26.536 Министерского совета). В главе 3-й статута определяются название края и язык. Относительно последнего там сказано, что «народный язык будет языком преподавания в школах, а также и вообще официальным языком». Однако, как отмечал А. Геровский, «термин "язык народа" очень растяжим. В Карпатской Руси не было одного общего "народного языка". Будучи страной очень гористой и притом с очень давних времен населенной множеством русских племен, в Карпатской Руси, небольшой территории, имеется, по крайней мере, двенадцать основных наречий, из которых некоторые сильно различаются друг от друга, хотя далеко не так сильно, как различаются друг от друга немецкие наречия в Швейцарии» (Геровский 1: 3).

Учебников по русскому языку почти не было. В годы венгерского правления русскую грамматику для школ составил униатский священник Августин Волошин. Его грамматика была «конгломератом из разных карпаторусских наречий и церковнославянского языка». В то время он считал себя русским и на страницах издаваемого им еженедельника «Наука» старался «очень осторожно, по мере возможности, при тогдашних обстоятельствах поддерживать русский дух в народе». Во время чехословацкого правления «он превратился после нескольких поездок в Рим в украинского самостийника». Волошин примкнул к чешской римско-католической клерикальной партии, как член этой партии попал в парламент. Тогда же он «переделал свою русскую грамматику на самостийный лад, но не посмел назвать ее "украинской", а только "русской"». Он также создал свою отдельную организацию «Руська рада».

Кроме грамматики Волошина, имелась русская грамматика о. Евмения Сабова, «тоже униатского священника, более образованного, чем о. Волошин... его грамматика была несравненно лучше». Ее новое издание вполне годилась для преподавания в школах. Однако школьный отдел стоял за грамматику Волошина. А. Геровский приводит пример, как осуществлялось давление на учителей. В школе с. Иза, известного по Первому и Второму Марамарош-Сигетским процессам, преподавание велось на русском языке. Учителем там был некто Кирик, «русский галичанин, прекрасный учитель, вполне владевший русским литературным языком». Русский литературный язык преподавался в школе в течение года, затем «чешское начальство приказало учителю учить детей по грамматике патера Волошина». Несмотря на протесты сельской общины и отказ учителя подчиниться данному решению, последнего заставили это сделать, пригрозив увольнением и высылкой в Польшу.

Только в 1937 г. чешское правительство согласилось устроить плебисцит среди родителей школьников. Несмотря на давление со стороны местных властей, 76 % голосовавших высказались за русский литературный язык, «невзирая на все запугивания и угрозы». Русский литературный язык победил, «но два года спустя Карпатскую Русь захватили мадьяры, и вновь началось гонение на русский язык, но уже не с целью украинизации, а с целью отрезать наш народ от востока и создать совершенно новый язык, который не был бы ни русским, ни "украинским". Через пять лет Карпатская Русь досталась Сталину, который приказал всем карпатороссам впредь быть "украинцами"» (Геровский 1: 4–5).

Положение с языком преподавания в Подкарпатской Руси отличалось от ситуации в части бывшей Угорской Руси, оказавшейся в составе Словакии. Там этими вопросами занималось словацкое правительство. Словаки, как писал Геровский, «просто старались ословачить русское население, не брезгуя средствами. Там не было украинизации». Словацкая политика совпадала с чешской: «Ни словаки, ни чехи не желали иметь у себя русские школы» (Геровский 1: 5).

В статьях «Карпатская Украина», «Господство мадьяр» и «Советское освобождение» рассказывается о том, что происходило в Закарпатье с 1939 по 1945 г. Эти статьи в виде писем были получены в 1950 г. А. Геровским из Аргентины от очевидца тех событий М. Прокопа (Михаил Прокоп – литературный псевдоним М. Туряницы по девичьей фамилии его матери) (ССКР 1978: 2).

В материале «Карпатская Украина» автор писал, что для того «чтобы укрепить свою позицию и держать народ под террором, галицкие самостийники организовали у нас "Карпатскую сечь", которая

состояла почти исключительно из одних галичан, бежавших к нам» (Прокоп 1: 3).

Все русские организации (общество Духновича, «Русский скаут», «Русский сокол», студенческие организации и т. д.) были закрыты. Недалеко от Рахова был построен концлагерь. Его устроили чехи, но отправляли туда людей самостийники, из которых состояла и охрана лагеря (Прокоп 1: 3–4). По Мюнхенскому соглашению Закарпатскую Русь разделили на две части. Нижняя, равнинная часть вместе с Ужгородом, Мукачевом и Севлюшом отошла к Венгрии, а северная осталась в составе Чехословакии. В этой части Рим назначил епископом «ярого самостийника Дионизия Нярадия» (Прокоп 1: 4).

12 февраля 1939 г. состоялись выборы в сойм. К ним был допущен только один кандидатский список УНО (Украинское национальное объединение), за которое, как пишет автор, «проголосовало 92 процента, совершенно как при Сталине». При урнах стояло по два самостийника, и нужно было на их глазах опускать бюллетень. Голосовавших против постигла кара. Далее автор описывает попытку организовать альтернативный список кандидатов: «Учителя Свалявского округа во главе с Михаилом Василенко пытались выставить русский кандидатский список. В Нижних Верецких они устроили громадное собрание. Все село возмущалось действиями галичан. Собрали сотни подписей, но кандидатский список не был допущен, а организаторы и многие из участников этого собрания попали в концентрационный лагерь. Учителя Василенко спас его друг, д-р Пейше, директор Мукачевской больницы. Он поместил Василенко в больницу...» (Прокоп 1: 4).

М. Прокоп отметил, что, «когда 15 марта мадьярская армия двинулась в пределы Карпатской Руси, испуганные галицкие самостийники послали против мадьярской армии гимназистов и семинаристов, почти безоружных. Мальчики, завидя настоящих солдат, вооруженных до зубов, побежали, а по ним стреляли вооруженные револьверами галицкие политические комиссары». Сама же Подкарпатская Русь «была переименована на Карпатскую Украину на заседании сойма 15 марта 1939 года, а того же самого дня мадьярская армия начала оккупацию нашего края. Вечером в тот же день Волошин и его "влада" (правительство) уже убежали в Румынию» (Прокоп 1: 4).

Автор приводит интересные сведения из воспоминаний «самостийников», опубликованных в канадской газете «Гомін України» (№ 8-14 за 1948 г.), филадельфийской газете «Америка» (24 марта 1950 г.), «Ди Ентерпрайз» (12 января 1950), из книги С. Росохи «Сойм Карпатської України» (Вінніпег, 1949) и др. Он отмечает, что события тех лет уже стали фальсифицироваться. Росоха называет «Карпатскую

сечь» «украинской республиканской армией» и сообщает «своим наивным читателям», что «карпатоукраинская армия была первой в Европе, которая в то время решила бороться за независимость своей родины. В результате украинский народ был первой нацией, которая подняла оружие против немецко-мадьярского империализма, который начал порабощение Европы» (Прокоп 1: 3-4). На что Прокоп иронизирует: «Странное дело, "Карпатоукраинская республиканская армия" первой выступила против немцев, а Гитлер в наказание за это кормил поил у себя до конца войны Волошина и его "владу", и всех самостийников, бежавших после мадьярской оккупации Карпатской Руси. Сам пан-лжец Росоха, страдающий манией величия, "воевавший против Гитлера", жил припеваючи в Праге, оккупированной немцами, и издавал в течение войны самостийный журнал "Пробоем"» (Прокоп 1: 4-5).

Кстати, «орган украинской националистической мысли» «Пробоем» поместил в своем номере от 20 августа 1939 г. на с. 79 акт, в котором правительство Волошина согласовывало все политические действия с руководством украинских националистов (Украинским национальным движением) во главе с преемником Е. Коновальца полковником Мельником (Прокоп 1: 5).

В «Господстве мадьяр» М. Туряница написал, что после оккупации края венгры создали следственные комиссии в Ужгороде, Мукачеве и Хусте. Все государственные служащие, в т. ч. и учителя, должны были предстать перед комиссией: «Всякий получал от следственной комиссии на руки бумагу, в которой указывались все его грехи перед мадьярской нацией. Почти всех русских служащих обвиняли то ли в "великорусском чувстве", то ли в "украинском шовинизме". Если трудно было придумать обвинение, то адресата объявляли коммунистом или противником мадьяр» (Прокоп 2: 5).

В начале венгерского правления в школах велось преподавание на «довольно приличном» русском языке, «в дальнейшем все более его удаляли от русского книжного языка. Изданная некоторое время спустя грамматика была написана на смеси народных говоров с галицко-польскими терминами». А осенью 1939 г. министерский советник и шеф школьного отдела Марина созвал в Сваляве собрание учителей, на котором предложил грамматику Волошина. Некоторые учителя, в т. ч. и Туряница, выступали против этого. Тогда «Марина, как настоящий извозчик, кричал на них: "Вы коммунисты, бунтари, вороги короны святого Стефана и прочее". Это было началом конфликта автора с чиновником. В 1940 г. Туряница поместил в «Русской правде» критику на одну из статей из школьного учебника, указав, что сама статья, как и весь учебник, написана неграмотно

с точки зрения как литературного русского языка, так и народных говоров. Из-за доносов одного из учителей, Поповича, Туряница покинул Вышние Верецки. Марина перевел его в Бороняву при Хусте. Директором школы был «старый мадьярон Иван Лемак». Принял он нового учителя холодно. Однажды директор вызвал его к себе домой, где находился венгерский офицер, который за плохое знание венгерского языка дал ему 15 пощечин и выгнал из дома. Директор в это время просто стоял у двери. Учитель подал жалобу в суд на директора и офицера. Дело не стали разбирать. В знак протеста Туряница «бросил учительскую работу». Его впоследствии три раза арестовывали, многократно вызывали в полицию на допросы, устраивали обыски дома. Во время ареста ему не предъявляли обвинений и не вызывали на допросы. Автор далее вспоминает: «Всю нашу семью преследовали, всех избивали, включая и отца, семидесятилетнего старика. Сестру Марию били на жандармской станции и заставляли ходить вокруг стола, а потом отправили в концлагерь» (Прокоп 2: 5–6).

Многих государственных служащих, в т. ч. учителей, переводили из Подкарпатья в «материнские земли». На каникулах учителя проходили т. н. преобразовательные курсы, где «им доказывали превосходство мадьярской культуры перед всеми остальными. Во время каникул учителей определяли в мадьярские семьи. Из городских, сельских и школьных библиотек были изъяты русские книги, которые были сожжены или увезены на бумажные фабрики. Таким образом, венгры уничтожили сотни тысяч книг русских классиков». В Ужгороде венгерские власти демонтировали памятник А. Добрянскому, в Мукачево – бюст А. Митрака (Прокоп 2: 6).

В Ужгороде было создано «наукое» общество, которому власти приказали «создать новый литературный язык, отличный от русского литературного... Участвовали в этом обществе большей частью бывшие самостийники» (Прокоп 2: 6–7).

Упоминал автор и о борьбе властей с инакомыслящими, православием, о восстановлении старых мадьяризованных названий сел и о бегстве местных жителей в Россию (СССР) после присоединения Галичины: «Сначала бежали в одиночку, потом группами. Сельская, городская молодежь, ученики начальной школы и гимназии, семинаристы и студенты, учителя, преподаватели и чиновники. Бежали семьями. Бежали поэты: Федор Иванчо, Андрей Патрус, Василий Добош, захватив с собой изданные и в рукописях сочинения. Одни бежали в знак протеста, другие – от преследований, третьи – чтобы скорее вернуться с русской армией и прогнать мадьяр из родного края» (Прокоп 2: 7–8).

В статье «Развал Чехословакии и оккупация Закарпатской Руси венграми» редакция сообщала: «Начало и конец этой статьи затеряны. Мы помещаем ее потому, что для истории Карпатской Руси сведения, данные в ней, имеют большое значение». Хотя автор статьи не указан, им был А. Геровский. Он напоминает, что к Венгрии в марте 1939 г. отошла только восточная половина Карпатской Руси (в журнале иногда термин «Карпатская Русь» сужали, применяя его только к Подкарпатской Руси), которой «управляли чехи из Праги», а западная, Пряшевщина, так и осталась в составе Словакии. Автор пишет о письме, полученном в марте 1939 г. из Пряшева от д-ра И. Пьещака, адвоката, депутата чехословацкого парламента. Он просил от своего имени «приехать как можно скорее» и «действовать так, дабы весь народ был вместе, в пределах одного и того же государства». Пьещак был членом карпаторусской Партии земледельцев-автономистов, которую возглавлял Бродий. Он был сторонником присоединения к Венгрии, думая, что в этом будет спасение народа «от чешского режима». Пьещак был против. Но начальные действия режима Тисо заставили его изменить решение. Впоследствии Пьещака избили «агенты монсиньера Тисо» и выгнали из Пряшева.

Также было получено письмо от Бродия, который тоже настаивал на скорейшем приезде Геровского. Автор поехал через Белград, встречался там с сербскими церковными и гражданскими властями (в то время он был югославским подданным), получив согласие на поездку. Он прибыл в Будапешт 13 мая, встречался с Бродием, который ознакомил его с ситуацией. В венгерский парламент было кооптировано 10 русских (карпатороссов) во главе с Бродием, они создали в парламенте «Карпаторусский клуб».

Вначале была обещана автономия, но после второго месяца освобождения все оставалось так же, как и при чехах, которых заменили мадьяры. Край, именовавшийся вначале венграми «русским», стал называться «Kárpátalja» (Подкарпатье, как и при чехах). Народ официально перестали называть «orosz», хотя в просторечии этот термин остался. Местное население стали именовать «рутенами», как в Австро-Венгрии. Мадьярские «освободители» продолжали в отношении Подкарпатской Руси чехословацкую политику. Разница была в том, что чехи «копировали более точно австрийскую политику, насаждая в Карпатской Руси насильственными методами "украинский" сепаратизм, а венгры денационализировали нас» (Геровский 2: 22). Был назначен губернатор с диктаторскими полномочиями, «не говоривший ни слова по-русски». Как и чехи, мадьяры наводнили край своими чиновниками и жандармами, говорившими только по-венгерски (Геровский 2: 23).

Бродий рассказал, что, когда он приехал в Рахов и посетил местную униатскую церковь, в ней священник вел проповедь на венгерском языке. Местные прихожане, гуцулы, пожаловались Бродию, что священник говорит только по-венгерски и они его не понимают. Он пытался поговорить об этом с губернатором бароном Переньи, однако тот ответил, что недовольство народа – «последствие противомадьярской агитации, и что народ необходимо перевоспитать» (Геровский 2: 23–24).

Как считал автор, в венгерском руководстве было два течения: антирусское, «старающееся проводить прежнюю мадьярскую политику», и сторонники предоставления краю автономии. Первые преобладали. Вторую линию пытался проводить д-р Тибор Патаки, протестант-кальвинист, который «в президиуме Министерского совета ведал карпаторусскими делами». Он признавал население Подкарпатья русским, его право пользоваться русским литературным языком, «сочувствовал православию» (Геровский 2: 23–24). Патаки добился, чтобы на железнодорожных станциях в крае были надписи и на русском языке. Это было не везде выполнено. Часто надписи были исковерканы так же, как и названия населенных пунктов при въездах в селения. Во многих случаях местные названия были переведены на венгерский язык, а затем переведенные названия писались на русском, иногда села просто переименовывались (к примеру, село Синяк было названо Кекешфюред) (Геровский 2: 24).

В статье «Чехословацкий “либерализм”» А. Геровский показывает «либерализм» режима Масарика, который во время Пражской весны старались восхвалять многие чехословацкие политики. Геровский напоминает, что до осени 1914 г. Масарик, руководитель чешской Партии реалистов, был лояльным Австрии политиком, депутатом австрийского парламента: «Австрийское правительство Масарику вполне доверяло и финансировало его работу». После наступления русской армии, будучи в то время в Швейцарии, он посчитал, что Австрия войну проиграла, и «превратился сразу в чешского, противоавстрийского патриота». К нему присоединился «его ученик и доверенный Бенеш, тоже приехавший в Швейцарию как доверенное лицо австрийского правительства». Автор посоветовал «всем русским писателям и журналистам» прочитать хотя бы указанные им две статьи (одна была напечатана в органе советского МИДа – журнале «Международная жизнь» в № 1 за 1927 г., другая – в Праге 19 июля 1932 г. в чешской газете «Народны листы», которую выпускал К. Крамарж, первый премьер-министр Чехословацкой Республики, представлявший Чехословакию на Парижской конференции), изданные во времена правления Масарика (Геровский 3: 2).

В статье в газете «Народны листы» писалось: «В Карпатской Руси объявлена украинизация. Когда-то Австрия и Германия пользовались украинизацией против России. Теперь украинизацию, также против России, осуществляет наше правительство. Мы, опирающиеся в своих надеждах всегда на русский народ, мы, освобожденные благородством и жертвенностью русского народа, – мы теперь благодарим русский народ угнетением русского духа Подкарпатской Руси и украинизацией Подкарпатской Руси. Сен-Жерменский договор обеспечивает Подкарпатской Руси самую широкую автономию, и в особенности он обеспечивает права русскому языку... А что происходит теперь? В школах ввели малорусское наречие, русскую литературу вытесняют, русских не принимают на державную службу, при народной переписи искусственно уменьшают число русских, украинской "Просвите" выдаются миллионные пособия. Земли и леса, отнятые государством для земельной реформы, переданы иностранному товариществу "Латорица", которое теперь эту землю, купленную за бесценно, продает народу, умирающему от голода из-за недостатка земли. Таково положение Карпатской Руси» (Геровский 3: 3).

В статье из журнала «Международная жизнь» политика Чехословакии сравнивалась с Австро-Венгерской: «Чехословакия – достойный наследник монархии Габсбургов. Это архидемократическое государство является прекрасным образчиком и носителем идей Габсбургов». Далее: «Международные договоры и чехословацкая Конституция дают Прикарпатской Руси право на полную административную автономию. Это право осталось до сих пор только на бумаге. Край не только не получил автономию, но все должности заняты пришлыми чехами. Карпаторусов хотят заставить забыть свой родной язык, хотят приобщить их к культурным интересам Чехословакии. Делается это крайне неуклюже и грубо, и результат получается как раз обратный. Последние выборы дали большинство (75 000) голосов Коммунистической партии. Это был протест и против чехизации, против аграрной реформы, в результате которой земли остались у помещиков чешской национальности и новых поселенцев чехов, и, наконец, против всей административной и политической системы, являющихся надругательством над теми международными актами, которыми была определена судьба Карпатской Руси в составе Чехословацкой Республики. Из всех обещаний и гарантий Антанты выполнено только одно. Вместо автономного сойма и всех прочих прекрасных учреждений Подкарпатская Русь получила губернатора и чиновников-чехов. Но собственной администрации и сойма нет и в помине» (Геровский 3: 3).

Третьим документом, который приводит в статье А. Геровский, тоже свидетельствующим «о тяжелой судьбе русского народа в "либеральной" Чехословакии Масарика», был переведенный на русский язык меморандум, переданный 13 сентября 1938 г. депутатами чехословацкого парламента Петром Жидовским и д-ром Иваном Пьешаком специальному представителю английского правительства в Праге лорду У. Ренсиму. Неофициальная миссия во главе с лордом Ренсиму (3 августа – 16 сентября 1938 г.) была направлена английским правительством во время Первого Судетского кризиса для посредничества во время переговоров между правительством Чехословакии и Судетско-немецкой партией К. Генлейна, сотрудничавшей с нацистской Германией.

В меморандуме, в частности, говорилось, что, несмотря на образованную в 1920 г. комиссию в составе словацких и русских (карпаторусских) представителей по разграничению карпаторусской и словацкой территорий в Восточной Словакии, работа по передаче в состав Карпатской Руси приблизительно половины Восточной Словакии, населенной русинами, так и не была завершена. Сама комиссия заседала всего один раз. В результате за 19 лет так и не было проведено разграничение Карпатской Руси, и западной границей ее была «временная» демаркационная линия. Вне пределов Подкарпатской Руси оказалось более 250 тыс. оставшихся в Словакии русских, не имевших «даже тех прав, которыми пользуются другие меньшинства в Словакии».

«Нигде в Восточной Словакии, даже в тех районах, в которых русские составляют подавляющее большинство населения, русский язык не употребляется в административных учреждениях или в судебном ведомстве. В чисто русских районах в правительственных учреждениях имеются провокационные плакаты "Говорите только по-словацки". Бывали случаи, что власти не только запрещали русский язык в школах, в которых даже во время мадьярского режима употреблялся русский язык, но они даже доходили до того, что запрещали преподавать закон Божий по-русски. Поступая так, власти ссылались на известный закон Аппоньи от 1906 года (имеется в виду принятый в Венгрии в 1907 г. по инициативе министра просвещения А. Аппоньи Школьный закон, запрещавший употребление языков национальных меньшинств в учебных заведениях. – С.С.), которым во время мадьярского режима был нанесен жестокий удар всем национальным меньшинствам в Венгрии. Этим законом мадьярский язык был объявлен языком обучения во всех школах, получающих какую-либо помощь от правительства. Ссылаясь на этот закон, чехословацкое правительство ввело в русских общинах Восточной Словакии обучение

на словацком языке на том основании, что закон Аппоньи не был аннулирован никаким чешским законом и поэтому остается в силе, и что поэтому все обучение в школах должно вестись на государственном языке, то есть на словацком (Инструкции Педагогического департамента в Братиславе № 27.519 и 62.799 от 1921 года). В 1930 году в Восточной Словакии было, по крайней мере, 223 000 русских "русского вероисповедания", то есть греко-католиков, соединенных и не соединенных с Римом. Но, согласно официальной переписи, их было 92 000. Целые русские общины были записаны словацкими, вопреки протестам населения» (Геровский 3: 4).

В меморандуме было упомянуто о засилье чехословацких чиновников и тяжелом экономическом положении края. Авторы как «единственные представители русского народа Восточной Словакии в чешском парламенте» просили лорда Ренсимена помочь решить вопрос о включении населенной русскими территории Словакии, согласно Сен-Жерменскому договору, в состав Подкарпатской Руси, и «чтобы самая широкая автономия была предоставлена всей русской территории в пределах Чехословацкой Республики, как было предусмотрено в этом договоре» (Геровский 3: 5).

Интересные факты приводятся в статье А. Геровского «Как Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии». В годы Первой мировой войны появилась надежда на освобождения населения Угорской, Буковинской и Галицкой Руси от «иноплеменного владычества». Карпаторусские эмигранты в Америке «надеялись, что победит Россия и присоединит к себе всю подъяремную австро-венгерскую Русь». После Февральской и Октябрьской революций, с началом гражданской войны в России эта надежда пропала. Карпаторусские эмигранты решили помочь «старому краю».

26 июля 1918 г., в разгар гражданской войны в России, в г. Максиспорте в Пенсильвании прошел карпаторусский митинг, который единогласно принял следующие резолюции: «1. Русские, живущие на южном склоне Карпат, должны получить полную независимость. Если это окажется невозможным, 2. они должны быть соединены со своими единоплеменниками в Галичине и Буковине. Если и это будет невозможно, 3. они должны получить автономию».

Делегация во главе с питсбургским адвокатом Григорием Жатковичем, который в дальнейшем стал полномочным представителем Русского народного совета в Америке, передала протокол этого собрания 21 октября 1918 г. лично президенту США Вудро Вильсону. Президент сказал, что «первые два требования практически не осуществимы», т. к. их не поддержат союзники.

Данная акция карпаторуссов находилась «в руках униатского духо-

венства, возглавлявшего в то время большинство карпаторусских приходов. Это обстоятельство объясняет многое из того, что происходило тогда как в Америке, так и на Карпатской Руси. Политика Жатковича руководилась главным образом указаниями из Рима (имеется в виду католической церкви. – С.С.)» (Геровский 4: 2).

23 октября американские карпатороссы были приняты в члены «Среднеевропейской унии», которая 26 октября в Филадельфии провозгласила, в частности, что «все народы имеют неотъемлемое право устанавливать и определять свое собственное правительство на таких принципах и в такой форме, которую они считают лучшей в интересах своего благополучия, своей консолидации и достижения своих целей». Ее подписали Т.Г. Масарик – как председатель Унии и от имени чехословацкого народа, Г.И. Жаткович – от имени угророссов, а также десять представителей других народов.

В день подписания декларации Жаткович вместе с пятью представителями Русской народной рады начал переговоры с Масариком. Позже, в 1921 г., в своем «Экспозэ» (*Exposé Dr. G.I. Žatkoviča, býveho gubernatora Podkarpatskoj Rusi, o Podkarpatskoj Rusi. Vydájet: Rusin Information Bureau Greek. Cath. Union Building, Homestead. Pa. USA, 1921. 43 p.*) он писал, что на вопрос о положении карпатороссов в случае присоединения к Чехословакии Масарик ответил: «Если бы русские (у Жатковича везде *Rusiny*. – С.С.) решили присоединиться к Чехословакии, они были бы совершенно автономным штатом». Ответ на вопрос о границах был следующим: «Границы будут определены таким образом, что русские будут ими вполне довольны». В ходе переговоров, как писал Жаткович, были определены предварительные условия присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии: «федерация с чехословаками и совершенно автономный штат с границами, удовлетворяющими русские требования». Это соглашение было опубликовано во всех карпаторусских газетах Америки. На его основании Русская народная рада (у Жатковича *Amerikánska Národná Rada Rusinov*) 12 ноября 1918 г. приняла в Скрантоне (Пенсильвания) резолюцию, «чтобы русские в Венгрии присоединились к Чехословацкой Республике в качестве федеративного штата с самыми широкими особыми правами и с условием, чтобы все первоначально угрорусские комитаты, т. е. Спиш, Шариш, Земплин, Абауй, Гёмёр, Боршод, Унг, Угоча, Берег и Мароморш, принадлежали к нашему краю» (Геровский 4: 2).

По решению Масарика и Жатковича среди карпаторусских эмигрантов был проведен плебисцит («он был подготовлен, как следует, согласно указаниям "свыше", т. е. Рима»). Большинство высказалось за присоединение к Чехословакии. Жаткович дал согласие Масарику на оккупацию Подкарпатской Руси, которая к 11 января 1919 г.

была занята чехословацкими войсками вплоть до реки Уж. Протокол скрантоновского собрания и результаты плебисцита были переданы комиссии, состоявшей из Г.И. Жатковича и И.Г. Гардоша, секретаря Русской народной рады, отправившейся в Париж для передачи их мирной конференции. Они прибыли в Париж 13 февраля. В то время там уже находился доктор Антон Бескид, председатель Русской народной рады в Пряшеве, с представителями Чехословакии докторами Карлом Крамаржем и Эдуардом Бенешем. Им были переданы документы американской делегации русинов и протоколы заседания Пряшевской народной рады от 7 января 1919 г. (Геровский 4: 2).

На основании всех этих документов был составлен меморандум, требовавший объединения Подкарпатской Руси с Чехословакией на федеративных началах в качестве автономного края, впоследствии ставший известным как «Меморандум номер 6». Он был на французском языке. В нем в составе Карпатской Руси (*Russie Carpathique*; авторы меморандума неоправданно перенесли значение исторического термина *Карпатская Русь* на часть Угорской Руси) упоминались комитаты Спиш, Шариш, Земплин, Унг, Берег, Угоча и Мараморш, а также указывалось, что число прихожан униатских русских (русинских) приходо́в, согласно последней мадьярской статистике от 1910 г., составляло 567 867 чел.

Жаткович с Гардошем отправились в Прагу, где они 10 марта были приняты президентом Масариком, которому передали вышеуказанные документы. Затем в Братиславе они совещались с одним из словацких вождей доктором Шробарем. В Пряшеве встречались с членами Пряшевской народной рады (у Жатковича *Prjaševskej Ruskej Narodnoj Rady v Prjaševi*), которые одобрили все ранее принятые решения. 15 марта они прибыли в Ужгород. В то время в Угорской Руси действовало несколько народных рад. Наиболее крупными были Пряшевская, Ужгородская и Хустская. Пряшевская рада стояла за соединение с Чехословакией, Ужгородская – за сохранение в составе Венгрии как автономной части, Хустская стремилась объединить Карпатскую Русь с русским Востоком, с Украиной. Как пишет А. Геровский, «Украина для них была однозначущей с Россией. О каком-либо украинском сепаратизме у них не было и помину. Они о нем никогда ничего не слыхали».

8 мая три рады объединились в единую Центральную русскую раду (у Жатковича *Centrálna Russka Národná Rada*). Она одобрила решение американских карпатороссов присоединить Угорскую Русь к Чехословакии на федеративных началах. 15 мая 1919 г. она предложила Масарику назначить Жатковича «министром-организатором» автономного края (у Жатковича *Russkoho Štata*).

Центральная рада согласилась с требованиями американских карпатороссов, которые они предъявили в Париже представителям чехословацкой делегации. В частности, «в Чешско-словацкой-русской Республике русская территория образует независимый штат (у Жатковича *Rusiny budú zostavlati nezávisimý štát v Československoj-Ruskoj republike* – С.С.); границы Угрорусского штата (у Жатковича *Uhro-Ruskoj štata*. – С.С.) будут определены официальными делегатами угрорусского штата и Чехословацкой Республики; Угрорусский штат будет независим во всех своих внутренних делах; принципы и соглашения, касающиеся взаимоотношений Русского штата и Чехословацкой Республики, будут включены в формальный договор между полномочными представителями Русского штата и Чехословацкой Республики (у Жатковича *Ruskoj štata i Československoj republike* – С.С.)». Автономная территория «будет управляться угрорусским министром, который будет назначен президентом Чехословацкой Республики. Остальные чиновники будут назначаться упомянутым министром» (Геровский 4: 2–3).

Протокол с указанными требованиями был передан 23 мая 1918 г. президенту Масарику делегацией из 112 членов и служащих Центральной русской народной рады. Жаткович остался вести дальнейшие переговоры с Масариком. В июле стало известно, что мирная конференция приняла решение об автономии и сама установит границы между Чехословакией и Подкарпатской Русью.

Как пишет Геровский, «прочитав текст договора об автономии Карпатской Руси, Жаткович обратил внимание на то, что в нем было сказано, между прочим, что "местные вопросы" ("локал") будут считаться автономными. И он высказал опасение, что слово "локал" может впоследствии быть истолковано как обозначающее только вопросы общинные. Но Масарик успокоил его, указав на то, что в первом параграфе сказано, что Карпатской Руси будет предоставлена самая широкая автономия, и что поэтому слово "локал" может быть истолковано только как относящееся ко всем внутренним вопросам Карпатской Руси. И Жаткович ему поверил» (Геровский 4: 4).

После этого Жаткович отправился в Париж, куда он прибыл 24 июля 1919 г. Здесь Бенеш сказал ему, что «решение мирной конференции относительно границ между Чехословакией и Карпатской Русью было для него самого полной неожиданностью, и что он только впоследствии узнал, что великие державы решили сократить, насколько возможно, карпаторусскую территорию». Бенеш также сообщил, что граница будет по реке Уж и словаки не согласятся отдать большую часть Восточной Словакии. Поэтому было решено добиваться, чтобы мирная конференция признала границу между Карпатской Русью и

Чехословакией временной, а впоследствии карпаторусы и словаки установили бы окончательную границу (Геровский 4: 4–5).

29 июля 1919 г. Жаткович встретился с президентом Масариком и министром внутренних дел Швеглой, который занимался карпаторусским вопросом. Масарик сообщил Жатковичу, что Чехословакия не может заключить договор с Карпатской Русью, т. к. у нее нет «своих конституционных представителей», но пообещал решить данный вопрос. После встречи Жаткович составил от своего имени обращение к Центральной русской народной раде в Ужгороде. Впоследствии оно стало известным под названием «Прокламация от 12 августа 1919 года». В нем, в частности, сообщалось, что чехословацкое правительство назначило его председателем Автономной русской директории, а также было представлено содержание соглашения, к которому они пришли. Власть членов директории будет распространяться на ту часть, в которой нет органов Чехословацкой Республики. После окончательного решения мирной конференции, касающегося автономии, президент Чехословацкой Республики назначит первого губернатора автономного края, и будет определена граница со Словакией. К автономии отойдут из Спишского комитата Любовельский округ, северная часть комитатов Шариш и Земплин, северная и восточная часть Ужского комитата, полностью комитаты Берег, Угоча и Марамарош. Остальные спорные территории останутся «ничьими до народной переписи». Перепись проведут комиссии, состоящие из чехословаков и русских (русинов). Автономия будет независима в вопросах, касающихся языка, школ, религии и всех внутренних дел. Она будет иметь свой собственный парламент (сойм) в Ужгороде, а ее делегаты будут представлены в чехословацком парламенте (Геровский 4: 5–6).

Затем Жаткович уехал в США, где его обращение напечатали все карпаторусские газеты. 15 и 16 сентября в Хомстеде (Пенсильвания) прошел съезд (конгресс) карпатороссов, на котором были представлены все их организации. Был одобрен доклад Жатковича, который по возвращении в Европу, 17 октября 1919 г., был принят президентом Масариком. Он передал ему копии протокола съезда, своего доклада на нем и несколько экземпляров карпаторусских газет, в которых была напечатана его прокламация.

В отсутствие Жатковича его замещал в Праге Пуза, от которого он узнал, что члены директории не были назначены, а также то, что чешское правительство поставило во главе администрации Карпатской Руси чеха доктора Я. Брейха. Он запретил публикацию прокламации Жатковича, текст которой был одобрен Масариком, и конфисковал газеты, напечатавшие ее (Геровский 4: 6).

Без согласования с Жатковичем чехословацкое правительство приняло «Генеральный устав по организации и администрации в Подкарпатской Руси». 19 февраля 1920 г. Жаткович подал в отставку как председатель Карпаторусской директории. 2 марта его примеру последовали остальные члены директории. 18 марта Жаткович был назначен губернатором Карпатской Руси. Однако вся власть в крае, согласно указу правительства Чехословацкой Республики от 26 апреля 1920 г., была предоставлена вице-губернатору чеху. Без него ни одна бумага, подписанная губернатором, не имела силы. Согласно этому указу, губернатор мог сноситься даже с начальником губернского правления только через вице-губернатора. Это постановление было включено в правительственный указ от 26 апреля 1920 г., которым был отменен незадолго до этого объявленный «Генеральный статут».

Членами директории, предложенными Жатковичем, были «униатский священник из Ужгорода Августин Волошин, мадьярский майор Евгений Пуза из Хуста, Юлиан Бращайко из Хуста и д-р Володимир Туркиняк из Шариша. Д-р Туркиняк был впоследствии заменен по настоянию Жатковича д-ром Емильяном Торонским, человеком совершенно неизвестным, который никогда ничем себя не проявил и совершенно не интересовался карпаторусскими делами, но был на хорошем счету в кругах «папистов»». Вице-губернатором был чех Петр Эренфелд, во времена Австро-Венгрии занимавший должность начальника одного из округов в Чехии (Геровский 4: 6–7).

Не решился вопрос с разграничением границ со Словакией. 27 декабря 1920 г. в Праге состоялась встреча с министром Бенешем и Швеглой, в которой участвовали с карпаторусской стороны тогдашний председатель директории Жаткович и ее члены Бращайко, Торонский и Пуза. На встрече было решено создать три комиссии: территориальную, конституционную и административную. Территориальная комиссия была создана сразу же в Праге. Со словацкой стороны в ней участвовал доктор Грушовский, который заявил, что «словацкий парламентский комитет решил не уступить добровольно русским ничего, кроме территории между рекой Уж и рекой Цирокой, то есть только узенькую полосу на правом берегу реки Уж, шириной в среднем не больше пяти километров. Затем это заявление было утверждено актом Министерства иностранных дел за номером 2780, и территориальная комиссия была распущена». Другие комиссии так и не были созданы (Геровский 4: 7).

Во время переговоров с президентом и правительством Чехословакии Жаткович настаивал на проведении выборов в сойм 12 декабря 1919 г., предлагал проект Конституции Подкарпатской Руси. Все

эти проекты и переговоры не привели ни к чему. 29 декабря 1920 г. Жаткович опять приехал в Прагу и оставался там до 4 января 1921 г. Он был принят президентом, вел переговоры с премьер-министром. Когда он понял, что «его просто водят за нос», то уехал в Америку и больше в Чехословакию не возвращался. В США он опубликовал «Экспозэ», из которого А. Геровский взял вышеприведенную информацию.

Главной причиной неудачи Жатковича Геровский считал его незнание Карпатской Руси, в которой он никогда не бывал. Его отцом был униатский священник, проживавший в Америке, мадьярон и по убеждению римо-католик, как и сам Жаткович. В семье у них говорили только по-венгерски. В его директории были лица неизвестные, к примеру Пуза, которого он назначил своим заместителем в Праге. Известными в Карпатской Руси лицами из его директории были только трое: адвокат Бращайко, о. Волошин, униатский священник, и Туркияк. Жаткович не пригласил в директорию ни доктора Бескида, председателя Пряшевской русской народной рады, ни доктора Каминского, председателя Ужгородской русской народной рады, ни других известных карпатороссов, «боровшихся в мадьярское время за русское дело в Карпатской Руси». Сам Жаткович интересовался карпаторусским вопросом «исключительно с точки зрения религиозной, как католик, а не с точки зрения национальной» (Геровский 4: 7–8).

В ряде опубликованных в журнале материалов говорится о тяжелой судьбе молодежи Подкарпатской Руси в годы венгерской оккупации. М. Туряница в статье «Трагедия молодежи Закарпатской Руси» писал, что после того как весной 1939 г. Подкарпатская Русь опять «очутилась под мадьярскою пятою», венгры называли край *Karpat Oroszorszaq* (Карпатская Русь), а народ – *orosz* (русский) или *magyar orosz* (угрорус). Для преподавания в школах были утверждены учебники, «написанные на довольно приличном литературном русском языке». Но через несколько месяцев правительство Хорти «начало самую наглую и бескомпромиссную мадьяризацию». «Русский литературный язык опять, как и во время чехов, был изгнан из русских школ» (Туряница 6: 10). Разрушались памятники русским культурным деятелям (Пушкину, Добрянскому, Митраку), сжигались или увозились на бумажные фабрики книги из библиотек, мадьяризировалась школа (Туряница 6: 11).

«Русская молодежь протестовала, бунтовала». «Брожение» усилилось, когда Галичина («русские земли Польши») после разгрома Польши Германией в сентябре 1939 г. отошла к СССР. Как писал М. Туряница, «все были уверены, что польским разделом дело не кончится, что в скором времени Россия освободит и наш народ от векового мадьярского ига. Слова "Советский Союз" у нас никто не употреблял,

для нас СССР был Россией» (Туряница 6: 11). Народ стал смелее себя вести, те, кому угрожал арест, убегали в Россию / СССР. Бежала не только молодежь, «бежали те, кого призывали в мадьярскую армию, бежали из мадьярской армии... бежали поэты и писатели (В. Добош, Иванчо, Патрус и др.), захватив с собою сочинения в рукописях, бежали учителя, чиновники, бежали семьями и в одиночку» (Туряница 6: 11). «Бежали для того, чтобы вместе с "российской армией" вернуться и прогнать из нашей земли мадьярских панов. Ученики начальных школ и не окончившие школу гимназисты бежали, чтобы в России, о которой они столько хорошего наслушались от старших, продолжать учение, выйти в люди». Как пелось в то время,

Ой пошов он у Россию
Сталину служити,
Ще бы (е)му ся повернути –
Будапешт розбити (Туряница 6: 12).

Бежало около 30 000 чел. О их судьбе ничего не было известно, письма от них не приходили, мадьярской пропаганде люди не верили: были среди населения те, кто работал в национал-социалистической Германии и возвращался оттуда с заработанными средствами. Народ не верил, что в России было хуже. Да и до Первой мировой войны люди бежали в Россию, и никто их в тюрьмы и лагеря не сажал (Туряница 6: 13).

Перешедших границу поселяли в лагеря, отделяли жен от мужей, детей от родителей, не давали питания по 3–4 дня, многократно допрашивали по 3–4 часа. Всех обвиняли в шпионаже. Потом судили. Приговаривали к срокам 3–5 и более лет лагерей. Везли в теплушках по 75 чел. на север. Кормили плохо. Давали хлеб и селедку, воду – раз в неделю. От соленой рыбы, без воды многие умирали в пути (Туряница 7: 2–3).

Если бы не война с Гитлером, мало кто выжил бы в лагерях. Во время войны по договоренности с чехословацким правительством было принято решение о создании на территории СССР чехословацкой армии. Закарпатцев «как бывших подданных Чехословакии отпускали из лагерей в чехословацкую армию. Способных для войны отправляли в Бузулук, где организовались первые соединения, а слабых посылали на поправку в Алма-Ату».

Не подошедшие по состоянию здоровья оставались в лагерях. В конце 1944 г. некоторые из бывших заключенных явились из армии на побывку домой и рассказали о том, что с ними случилось после перехода советской границы. После войны большинство «свободовцев» (так назывались солдаты чехословацкой армии – по имени

генерала Свободы) не остались на Закарпатье, которое отошло к СССР, а переселились в Чехословакию. После установления в ней в 1948 г. коммунистического режима некоторые уехали дальше, в Западную Германию, США, Аргентину, Австралию, Чили и другие страны (Турияница 7: 3–4).

Начиная с № 9–10 от 1959 г. редакция стала печатать отрывки из готовившейся к печати книги воспоминаний «одного из тех несчастных молодых людей, которые тысячами бежали в СССР» (Турияница 7: 2). «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) под псевдонимом М.И. Мукачевский были опубликованы в № 11–12 от 1959 г., 1–2 (13–14), 3–4 (15–16), 5–6 (17–18), 7–8 (19–20), 9–10 (21–22) от 1960 г.

После того как к СССР отошли в 1939 г. Галичина, а в 1940 г. – Северная Буковина и Бессарабия, Подкарпатская Русь стала граничить с СССР. Автор в 16-летнем возрасте в группе из 4 чел. 15 августа 1940 г. перешел границу в районе горы Пикуй около с. Ждениево. Его спутниками были бывший солдат чехословацкой армии, учитель мукачевской гимназии и чиновник. Автор считал Россию «матерью», полагал, что шел «к своим, к России», «которую он любил всем пылом своего юношеского сердца», мечтал учиться в Московском университете. При переходе границы их задержали советские пограничники (Мукачевский 1: 13–17).

Их привели в деревню Гусная, которая «поразила своей бедностью и запущенностью». Здесь их еще раз обыскали, провели первый допрос и «отвели в пустой хлев, грязный и запущенный» (Мукачевский 1: 18–19). Через несколько дней им и еще около 30 крестьянам, среди которых были взрослые мужчины и несколько семей с женщинами и детьми, приказали приготовиться к этапу (Мукачевский 2: 4).

Людей пешком доставили в «провинциальную тюрьму» городка Сколе. Мест там не было, их оставили во дворе и сутки не кормили. В разное время суток заключенных по нескольку раз вызывали на допросы. Как позже понял автор, их считали «фашистскими шпионами» (Мукачевский 3: 4). Затем их перевели в пересыльный лагерь на окраине города (Мукачевский 3: 5).

Здесь были новые допросы «опытными чекистами» (Мукачевский 4: 24). Позднее автор узнал, что он получил приговор «три года заключения в исправительном трудовом лагере за незаконный переход границы» (Мукачевский 4: 25). После трех с половиной месяцев, проведенных в лагере в Сколе, всех четверых отправили по этапу дальше – сначала в тюрьму г. Стрый, где в одиночную камеру «набили по 15 человек» (Мукачевский 4: 28). В канцелярии тюрьмы автору объявили приговор: «три года исправительно-трудовых лагерей за незаконный переход границы» (ст. 82 Уголовного кодекса СССР). Та-

кой же приговор получили и его товарищи. Беглецы, которые имели оружие, все равно какое – револьверы, охотничьи ружья, получили по пять лет. Те, кто показывал членские карточки Коммунистической партии или просто говорили, что они коммунисты, получили по восемь лет (Мукачевский 5: 25). Затем их перевели в большую камеру, рассчитанную на 25 чел., где было 190 «иностранцев»: карпатороссов, чехов, венгров, поляков, словаков (Мукачевский 5: 26). 15 января 1941 г. заключенных погрузили в теплушки (по 75 чел. на вагон) и отправили по этапу в г. Старобельск на Украине. Каждому выдали на день по 300 г хлеба и селедку, «воды давали трагически мало» (Мукачевский 5: 28). Через «пять страшных дней» они прибыли в Старобельск. По прибытии из их вагона «вынесли двенадцать умерших и несколько “доходяг”». Оставшимся «предстояла сортировка и последний путь – этап в назначенный для каждого лагерь» (Мукачевский 5: 29). Их четверка побывала в Харьковской тюрьме, где впервые столкнулась с уголовниками (Мукачевский 6: 30–31).

В советские времена наработки эмигрантских историков оказались не востребованными по идеологическим причинам. Сегодня этот фактор, наряду с недостаточным знанием истории Карпатской Руси, тоже играет свою роль. К примеру, о М.И. Турянице нет упоминаний в украинских (вероятно, «неправильный» украинец), русинских («неправильный» русин), российских (какой он «русский», т. е. «великоросс») энциклопедиях.

Однако в свое время эти люди, перефразируя И. Франко, немало сделали для простого народа, боролись за сохранение этничности местного населения, противодействовали ассимиляторской политике Чехословакии, Польши, Венгрии, Румынии. Их воспоминания помогают лучше понять и объективно оценить политическую, экономическую, социальную, этническую ситуацию в Карпатской Руси. Конечно, не надо забывать, что, хотя все воспоминания и являются важным историческим источником, они не беспристрастны и субъективны, в них иногда преувеличена роль автора в тех или иных событиях.

Говоря об объективности в истории, известный французский философ П. Рикёр писал: «Объективность должна браться здесь в строго эпистемологическом смысле: объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что, в конечном счете, оно делает понятным. Это истинно для физических и биологических наук, это истинно также и для истории» (Рикёр 2002: 35).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. На наш взгляд, в понятие «Карпатская Русь» следует включить, помимо т. н. Зарубежной Руси (Галицкой, Буковинской, Угорской), находившейся в составе Австро-Венгрии, и часть территории Галицкой Руси, населенной русинами, входившей в состав Российской империи. Это север Бессарабии, Холмщина и Подляшье (Суляк 2019: 288).

2. Туряница Михаил Ильич (4.10.1912–5.12.2001) родился в крестьянской семье в г. Свалява (комитат Берег, Австро-Венгрия), принадлежавшем тогда Австро-Венгрии. С 1934 г. работал учителем сначала в сельских школах Подкарпатской Руси, затем в Праге. После прихода к власти в Чехословакии коммунистов в 1948 г. эмигрировал в Южную Америку (Парагвай, Аргентина), затем в США. С января 1959 г. до начала 1989 г. был главным редактором русского журнала «Свободное слово. Ежемесячный карпато-русский журнал» (позднее «Свободное слово Карпатской Руси», «Свободное слово», «Свободное слово Руси») и его постоянным автором. Журнал имел подписчиков в 38 странах мира, от Австралии до Бразилии, его отдельные экземпляры попадали и в страны соцлагеря. В США М. Туряница стал одним из самых активных деятелей Карпаторусского общества. В 2000 г. в России был издан сборник «Украина – это Русь» под редакцией М. Туряницы (тираж 5 тыс. экз.). Похоронен на кладбище православного русского монастыря в Джорданвиле, на севере штата Нью-Йорк. Отпевание совершал первоиерарх РПЦЗ мирополит Лавр (Герасимов; Гаттас 2018: 3).

3. Геровский Алексей Юлианович (31.08.1883–17.04.1972) родился во Львове в семье Ю.М. Геровского, адвоката, директора Ставропигийского института во Львове, депутата австрийского парламента, и дочери одного из лидеров русского движения Угорской Руси Адольфа Ивановича Добрянского-Сачурова Алексеи.

Учился в гимназиях в Инсбруке и Черновцах (герцогство Буковина, ныне Черновицкая область Украины). Окончил Черновицкий университет, где изучал право. В 1903 г. вместе с братом Георгием приехал в Угорскую Русь, чтобы посетить центр православного движения в с. Иза. Был арестован венгерскими властями.

В 1910–1913 гг. издавал в Черновцах газету «Русская правда». По собственной инициативе явился на Марамарош-Сигетский процесс (1913–1914). Был арестован в Черновцах за прорусскую агитацию. Также были задержаны все его близкие родственники. В 1914 г. вместе с братом Георгием он бежал в Россию. С началом Первой мировой войны и вступлением русских войск в Галицию и Буковину вернулся в Черновцы в качестве «старшего чиновника по особым поручениям»

при русском губернаторе. В 1915–1917 гг. был советником министра иностранных дел России по проблемам Австро-Венгрии и Балкан. В марте 1918 г. выехал из Петрограда и присоединился к Добровольческой армии. В Екатеринодаре издавал газету «Единая Русь». После эвакуации в Константинополь переехал в Подкарпатскую Русь, вошедшую в состав Чехословакии. В 1927 г. был выслан из Чехословакии, эмигрировал в США, возглавил Карпаторусский союз (1935–1938). По его инициативе в 1936 г. в Нью-Йорке было создано пресс-агентство КАРУС, задачей которого стало информирование русинов США о положении на Подкарпатской Руси. В период чехословацкого кризиса 1938 г. во главе делегации американских русинских организаций приехал в Чехословакию, пытался объединить русинов в борьбе за автономию. Был выслан властями за пределы Чехословакии. В сентябре 1938 г. вел переговоры в Будапеште о вхождении Подкарпатской Руси в состав Венгрии. Во время Второй мировой войны выступал за включение Закарпатья в состав СССР, обращался с письмом к И.В. Сталину. В последние годы жизни выступал на страницах журнала «Свободное слово Карпатской Руси» с резкой критикой политики украинизации, проводившейся властями Советской Украины в Закарпатье, а также с критикой Ватикана и греко-католической церкви (Геровский 5: 2–3; Поп 2006: 151–152).

ЛИТЕРАТУРА

Гаттас 2018 – *Гаттас Н.* Ваше сиятельство Михаил Ильич // Потаенное. 2018. № 1 (83). С. 3–4.

Герасимов – *Герасимов В.* Скромный рыцарь русского зарубежья Михаил Туряница. URL: <http://ronsslav.com/valeriy-gerasimov-skromnyy-rytsar-russkogo-zarubezhya-mihail-turyanitsa> (дата обращения: 10.07.2019).

Геровский 1 – *Геровский А.Ю.* Школы Карпатской Руси под чешским ярмом // Свободное слово Карпатской Руси. 1965. № 1–2 (73–74). Январь–февраль. С. 2–5.

Геровский 2 – *Геровский А.Ю.* Развал Чехословакии и оккупация Закарпатской Руси венграми // Свободное слово Карпатской Руси. 1979. № 7–8 (247–248). Июль–август. С. 22–24.

Геровский 3 – *Геровский А.Ю.* Чехословацкий «либерализм» // Свободное слово Карпатской Руси. 1968. № 9–10 (117–118). Сентябрь–октябрь. С. 2–5.

Геровский 4 – *Геровский А.Ю.* Как Карпатская Русь была присоединена к Чехословакии // Свободное слово Карпатской Руси. 1965. № 7–8 (79–80). Июль–август. С. 1–8.

Геровский 5 – *Геровский А.Ю.* Краткая автобиография (вместо некролога) // Свободное слово Карпатской Руси. 1972. № 5–6 (161–162). Май–июнь. С. 2–3.

- Г.С. 1 – Г.С. Карпатороссы в Америке // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 6–7.
- Г.С. 2 – Г.С. Слово к подписчикам и друзьям нашего журнала // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 26–27.
- Г.С. 3 – Г.С. Еще раз о нашей программе // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 3–4. Март–апрель. С. 31–32.
- Г.С. 4 – Г.С. Карпатороссы в Америке // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 5–6. Май–июнь. С. 3.
- Как возник наш журнал 1959 – Как возник наш журнал // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 5–6.
- К подписчикам – К подписчикам «Вечернего звона» // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 5.
- От редакции 1959 – От редакции // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 1–5.
- Мукачевский 1 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 11–12. Ноябрь–декабрь. С. 13–19.
- Мукачевский 2 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 1–2 (13–14). Январь–февраль. С. 2–5.
- Мукачевский 3 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 3–4 (15–16). Март–апрель. С. 3–10.
- Мукачевский 4 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 5–6 (17–18). Май–июнь. С. 24–29.
- Мукачевский 5 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 7–8 (19–20). Июль–август. С. 25–29.
- Мукачевский 6 – *Мукачевский М.И.* «В Россию» (Воспоминания карпаторосса) // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1960. № 9–10 (21–22). Сентябрь–октябрь. С. 27–31.
- Поп 2006 – *Поп И.* Геровский А.Ю. // Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 151–152.
- Прокоп 1 – *Прокоп М.* «Карпатская Украина» // Свободное слово Карпатской Руси. № 3–4 (231–232). Март–апрель. 1978. С. 2–5.
- Прокоп 2 – *Прокоп М.* Господство мадьяр // Свободное слово Карпатской Руси. 1978. № 3–4 (231–232). Март–апрель. С. 5–8.
- Рикёр 2002 – *Рикёр П.* История и истина / Пер. с фр. И.С. Вдовиной, А.И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
- ССКР 1978 – Свободное слово Карпатской Руси. Март–апрель 1978. № 3–4 (231–232). С. 2.
- Суляк 2015 – *Суляк С.Г.* Русинская идентичность (на примере участия галичан в гражданской войне) // Русин. 2015. № 42. С. 107–125. DOI: 10.17223/18572685/42/9

Суляк 2019 – Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин2019. № 55. С. 272–316. DOI: 10.17223/18572685/55/16

Туряница 1 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 1–2. Январь–февраль. С. 20–26.

Туряница 2 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 3–4. Март–апрель. С. 27–29

Туряница 3 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 5–6. Май–июнь. С. 13–15.

Туряница 4 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 7–8. Июль–август. С. 4–8.

Туряница 5 – Туряница М. Авантюра галицких самостийников на Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 11–12. Ноябрь–декабрь. С. 19–21.

Туряница 6 – Туряница М. Трагедия молодежи Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 7–8. Июль–август. С. 10–13.

Туряница 7 – Туряница М. Трагедия молодежи Закарпатской Руси // Свободное слово. Ежемесячный карпаторусский журнал. 1959. № 9–10. Сентябрь–октябрь. С. 2–4.

Франко 1980 – Франко І.Я. Формальний і реальний націоналізм (Кілька уваг про ІХ і Х випуск «Правди») / Зібрання творів у 50 томах. Київ: Наукова думка, 1980. Т. 27. С. 355–363.

REFERENCES

Gattas, N. (2018) *Vashe siyatel'stvo Mikhail Il'ich* [Your Excellency Mikhail Ilyich]. *Potaennoe*. 1(83). pp. 3–4.

Gerasimov, V. (2019) *Skromnyy rytsar' russkogo zarubezh'ya Mikhail Turyanitsa* [Mikhail Turyanitsa – the humble knight of the Russian diaspora]. [Online] Available from: <http://ronsslav.com/valeriy-gerasimov-skromnyy-rytsar-russkogo-zarubezhya-mihail-turyanitsa> (Accessed: 10th July 2019).

Gerovsky, A.Yu. (1965) *Shkoly Karpatskoy Rusi pod cheshskim yarmom* [Schools of Carpathian Rus under the Czech yoke]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2 (73–74). pp. 2–5.

Gerovsky, A.Yu. (1979) *Razval Chekhoslovakii i okkupatsiya Zakarpatskoy Rusi vengrami* [The collapse of Czechoslovakia and the occupation of Subcarpathian Rus by the Hungarians]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8 (247–248). pp. 22–24.

Gerovsky, A.Yu. (1968) *Chekhoslovatskiy "liberalizm"* [Czechoslovak "liberalism"]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 9–10 (117–118). pp. 2–5.

Gerovsky, A.Yu. (1965) *Kak Karpatskaya Rus' byla prisoedinena k Chekhoslovakii* [How Carpathian Rus was annexed to Czechoslovakia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8 (79–80). pp. 1–8.

Gerovsky, A.Yu. (1972) *Kratkaya avtobiografiya (vmesto nekrologa)* [Brief autobiography (instead of an obituary)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 5–6 (161–162). pp. 2–3.

G.S. (1959a) *Karpatorossy v Amerike* [Carpathians in America]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 6–7.

G.S. (1959b) *Slovo k podpischikam i druz'yam nashego zhurnala* [A word to subscribers and friends of our journals]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 26–27.

G.S. (1959c) *Eshche raz o nashey programme* [Once again about our program]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4. pp. 31–32.

G.S. (1959d) *Karpatorossy v Amerike* [Carpathians in America]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 5–6. pp. 3.

Anon. (1959a) *Kak voznik nash zhurnal* [How our journal was established]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 5–6.

Anon. (1959b) *K podpischikam "Vechernego zvona"* [To the subscribers of "Vecherniy zvon"]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 5.

Anon. (1959c) *Ot redaktsii* [Editorial]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 1–5.

Mukachevsky, M.I. (1959) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 11–12. pp. 13–19.

Mukachevsky, M.I. (1960a) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2 (13–14). pp. 2–5.

Mukachevsky, M.I. (1960b) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4 (15–16). pp. 3–10.

Mukachevsky, M.I. (1960c) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 5–6 (17–18). pp. 24–29.

Mukachevsky, M.I. (1960d) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8 (19–20). pp. 25–29.

Mukachevsky, M.I. (1960e) *"V Rossiyu" (Vospominaniya karpatorossa)* ["To Russia" (Memoirs of the Carpathians)]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 9–10 (21–22). pp. 27–31.

Pop, I. & Gerovsky, A.Yu. (2006) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhhorod: V. Padyak. pp. 151–152.

Prokop, M. (1978a) *"Karpatskaya Ukraina"*. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4 (231–232). pp. 2–5.

Prokop, M. (1978b) *Gospodstvo mad'yar* [Dominance of the Magyars]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4 (231–232). pp. 5–8.

Ricoeur, P. (2002) *Istoriya i istina* [History and Truth]. Translated from French by I.S. Vdovina, A.I. Machulskaya. St. Petersburg: Aleteyya.

Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi. 3–4 (231–232). pp. 2.

Sulyak, S.G. (2015) *The Rusin identity (a case study of Galicians' par-*

tipication in the Civil War). *Rusin*. 42. pp. 107–125 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/9

Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

Turyanitsa, M. (1959a) Avantyura galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 1–2. pp. 20–26.

Turyanitsa, M. (1959b) Avantyura galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 3–4. pp. 27–29

Turyanitsa, M. (1959c) Avantyura galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 5–6. pp. 13–15.

Turyanitsa, M. (1959d) Avantyura galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8. pp. 4–8.

Turyanitsa, M. (1959e) Avantyura galitskikh samostiynikov na Zakarpatskoy Rusi [Adventure of Galician separatists in Transcarpathian Russia]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 11–12. pp. 19–21.

Turyanitsa, M. (1959f) Tragediya molodezhi Zakarpatskoy Rusi [The tragedy of youth of Transcarpathian Rus]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 7–8. pp. 10–13.

Turyanitsa, M. (1959g) Tragediya molodezhi Zakarpatskoy Rusi [The tragedy of youth of Transcarpathian Rus]. *Svobodnoe slovo Karpatskoy Rusi*. 9–10. pp. 2–4.

Franko, I.Ya. (1980) *Zibrannya tvoriv u 50 tomakh* [Collected Works in 50 vols]. Vol. 27. Kyiv: Naukova dumka. pp. 355–363.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент, аналитик Центра содействия публикационной активности и по работе с ведущими учеными Томского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei_suleak@rambler.ru